

вания), она дошла до нас лишь в поздней румынской редакции и в немецкой переработке. Итак, основными памятниками письменности, на базе которых исследователь может проводить сравнительное изучение, являются памятники XV—XVII вв. Молдовы, ставшей колыбелью средневековой румынской историографии. (Единственная работа из Валахии, которая дает возможность сравнения — *житие патриарха Нифона*, написанная Гаврилом, настоятелем Афона, официальная хроника о правлении Нягое Басараба, облеченная по политическим и полемическим соображениям в литературную агиографическую форму).

Автор, анализируя *Летописца от толн нача са, прозявоушемъ кожимъ, Молдавская земля* написанный при дворе и под наблюдением *Стефана Великого*, а также и сокращенные варианты, дополненные в ряде мест новыми данными, которые были дважды отредактированы в канцелярии господаря в Путне (так называемые путненские варианты I и II), устанавливает паралелизм формальных приемов с южнославянскими летописями, хотя название летописи и общий замысел представить не историю одного правления, а историю «Молдавской земли», напоминает известную русскую летопись «Повесть временных лет». (Впрочем, первая жена господаря Евдокия была из Киева). Сокращенные путненские варианты заимствуют название и манеру письма у летописей «вкратце» (сказаніе въ кратцѣ) сербского происхождения. По своему объему, литературной манере и форме молдавская летопись может быть сопоставлена с любым из своих образцов, реальных или предполагаемых. В ней отмечаются этапы и отзвуки великих битв за независимость, а также роль Молдавии на европейской арене в эпоху правления одного из величайших ее господарей. Эта летопись получила широкое распространение за пределами Молдавии в форме молдавско-немецкой, молдавско-русской и молдавско-польской хроник.

Качественный скачок в направлении более сложного повествования, со стилистическими украшениями, с рядом общих положений, портретами и характеристиками исторических персонажей, в сторону историографии, рассматриваемой как литературное творчество, представляет творчество летописца *Макария*, выдающегося книжника, знающего книжнославянский и древнегреческий языки, игумена в Няме, позже — епископа в Романе и официального летописца господаря Петра Рареша, сына Стефана Великого, и его семьи (описывает период 1504—1542 гг. в первой редакции и период до 1551 года — во второй редакции). Основным источником эпитетов и стилистических оборотов, а также и образцом, которому следовал этот летописец, основавший целую школу, является *Хроника Константина Манассея* (как показал Иоан Богдан). Макарие являет собой самый совершенный и в известной мере рабочий образец влияния византийской хронографии на молдавскую. Приводимый фактический материал отличается точностью (чего не предполагал Иоан Богдан), и оригинальность молдавского летописца не растворяется в заимствованной у Манассия фразеологии. Хронику Макария продолжает его ученика Ефтимий, а в дополненном автором варианте — монах Азарий, который по поручению Петра Хромого написал историю Молдавии от Смерти Стефана Рареша (1551) до восхождения на трон Петра Хромого (1574). Азарий был непосредственно знаком с хроникой Манассия и подражая ему, сохранял однако более последовательно свою оригинальность как писатель. За исключением второго Путненского варианта и хроники Ефтимия, вся молдавская историография на книжнославянском языке нашла свое отражение в румынской хронике Григоре Уреке. Хотя Уреке придерживается местных источников, в то же время он их значительно обогащает фактами из западных и польских источников, дав таким образом хронике, на которой лежит печать влияния гуманизма, а не византийско-южнославянской историографии, с которой он не был знаком. Последующее поколение летописцев (Мирон Костин, Ион Некульче и др.) следуют тем же путем, поскольку прямое влияние византийско-южнославянской историографии на румынскую организуется Молдавией XV—XVI вв.

В Валахии в первой четверти XVII века была предпринята Михаилом Мокса (1620) первая попытка написать всеобщую историю на румынском языке. Румынский хронограф Мокса представляет собой сокращенную переработку хроники Манассия, перевод и переработку славянского варианта хроники патриарха Никифора, сербских летописей и *Болгарской хроники*. Таким образом несколько основных произведений византийской хронографии и южнославянских летописей были переложены на румынский язык. Однако хронограф Мокса не оказал влияния на последующее развитие мунтянской историографии. На основе славянских источников, Мокса однако описал борьбу Мирчи Старого с Баязитом при Ровине,